

УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРЕПРИНТ

26

В.Л. ГИНЗБУРГ

ОБ ОТЦЕ И НАШЕЙ СЕМЬЕ

Москва 2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФИЗИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. П.Н. ЛЕБЕДЕВА

В.Л. Гинзбург

ОБ ОТЦЕ И НАШЕЙ СЕМЬЕ

Москва 2009

В.Л. Гинзбург. ОБ ОТЦЕ И НАШЕЙ СЕМЬЕ

Когда я увидел книгу «Об отце – с любовью» (А. Фин. – М.: ООО «Объединенная редакция журнала “Юный техник”», 2008, –224 с.), мне сразу же захотелось принять участие в предполагающихся ее продолжениях. Почему? Дело в том, что меня уже много лет мучает чувство, что я не вполне выполнил свой сыновий долг по отношению к отцу. И мне хочется покаяться. К сожалению, как убежденный атеист, я не могу надеяться на то, что мое покаяние будет услышано «там», в существование чего верят религиозные люди. Но каются для себя, а не для кого-то.

Моя мать умерла, когда мне было всего четыре года. Ни братьев, ни сестер у меня нет – я единственный сын, и родился, когда отцу было уже 53 года. Он очень хотел иметь сына и во мне, что называется, души не чаял. Я же, когда вырос, это недостаточно хорошо понимал и, вероятно, отцу бывало больно.

Смерть матери не обернулась для меня довольно типичным в таких случаях появлением мачехи и иногда тяжелой участью ребенка в развалившейся семье. Дело в том, что у мамы была незамужняя сестра лет на пять ее моложе – моя тетя Роза, и она через некоторое время приехала жить с нами, т.е. с отцом и мною.

Я тогда этого не понимал, но ясно, что тетя Роза стала второй женой отца. Правда, в те тяжелые времена брак не был оформлен из каких-то имущественных соображений. Тетя много лет работала в «Международной книге» – организации, оформлявшей выписку иностранной литературы научным учреждениям и отдельным научным работникам.

Тетя, как и мама, родилась в Латвии в г. Митава, сейчас, кажется, он иначе называется. Их отец был часовщиком, т.е. чинил часы и, возможно, продавал их. Сразу замечу, что семья так и осталась в Латвии после революции. Правда, один раз (году так в 1924 или 1926) бабушка к нам приезжала с визитом, но потом связи «с заграницей» оборвались. Я только знаю, что у матери и тети в Латвии, помимо отца с матерью, жили брат и больная сестра. Вероятно, они погибли во время немецкой оккупации. Мать и тетя еще до революции переехали в собственно Россию. В 1911 г. мама окончила Харьковский медицинский институт (университет) и стала врачом.

Забыл написать, что фамилия матери и тети – Вильдауер, и когда мама в 1914 г. вышла замуж, у нее появилась двойная фамилия – Вильдауер-Гинзбург, так тогда полагалось у практикующих врачей. С этим связан такой эпизод. Когда мама в 1916 г. заболела, отец пригласил к нам домой видного врача – профессора. Когда он уходил, то брат гонорар отказался, и с раздражением попросил «больше его не приглашать». Дело в том, что на двери парадного была прикреплена доска с надписью «Доктор Вильдауер-Гинзбург». А тогда существовало негласное правило, что врач у врача денег за визит не берет.

Во время войны и революции мама, естественно, работала в госпитале. Там и скончалась в 1920 году от брюшного тифа. Отец в это время был в командировке и не мог существенно помочь, а коллеги по госпиталю оказались не на высоте. Тетя тоже училась в Мединституте – собиралась стать зубным врачом, но так им и не стала и, как я уже писал, пользуясь знанием иностранных языков, служила в «Международной книге».

У меня, к сожалению, плохая память, и я не помню себя раньше четырехлетнего возраста. Да и в этом возрасте запомнил лишь два эпизода. Вот мама лежит в постели, видимо, уже больная, а я глажу ее волосы. Второй эпизод – её похороны. Мы жили на Мясницкой улице, дом 29, рядом с известной булочной Филиппова или одним из магазинов этой фирмы. Я стою на тротуаре рядом с няней, а мимо проходит похоронная процессия, в составе которой отец. Это похороны матери.

Потом помню себя лет в 8; так, например, помню похороны Ленина, а было это в 1924 г. В общем, мало что могу сообщить о раннем детстве, ощущение такое, что был ухоженным и любимым ребенком.

Теперь об отце. Он родился в белорусском городке Могилеве в 1863 г. Это было, как известно, лишь через 2 года после освобождения крестьян. С тех пор прошло уже примерно 150 лет, но эта цифра не кажется очень большой по сравнению с возрастом современной науки, оформившейся, грубо говоря, в XVII веке. Но достаточно вспомнить, что не было не только авиации, но и радио, не говоря уж о телевидении, чтобы понять, что научная жизнь в 1863 г. была совсем отличной от современной.

Отец был явно способным человеком. Тогда еврею было очень трудно поступить в Университет, необходимо было сдать довольно серьезные экзамены. И вот отец после окончания реального училища успешно сдал их и поступил то ли в Петербургский университет, то ли в какой-то технический вуз в Петербурге. Но он не окончил его, так как был исключен, кажется, за участие в студенческой забастовке. Через некоторое время он поступил в Рижский политехнический институт и успешно окончил его, став инженером еще в конце XIX века. Инженеров тогда готовили, можно сказать, штучным образом, их было не так уж много. Я видел у отца книгу с названием «Альма-матер», в которой перечислялись все окончившие институт и приводилась их биография. Фигурировал там и отец. Став инженером, он работал в какой-то фирме, на заводе или в лаборатории. Но затем завел свое собственное «дело» – предприятие по

очистке воды. Чистить воду от солей необходимо при ее использовании в паровых котлах и ряде других случаев. У отца были патенты, в частности, заграничные. На фото 1 приведена 1-я страница, как тогда писали, «привилегии». Было несколько таких «привилегий» и патентов. «Малый

Фото 1.

бизнес» отца, как теперь бы сказали, состоял из химической лаборатории, занимавшей четырехкомнатную квартиру в том же доме где мы жили, а также из довольно большой мастерской, расположенной в Измайловском парке. В этой мастерской изготавливалась некая машина, в которой производилась очистка воды. К сожалению, масштаб этого «дела» был таков, что после революции мастерскую заведомо не национализировали. Это позволило отцу в период НЭПа снова возродить свой «бизнес», что мне было крайне неприятно. Но в тридцатые годы эта деятельность вместе с НЭПом прекратилась, и отец, как и в годы военного коммунизма, работал инженером в ВСНХ и каких-то других учреждениях. По-видимому, он был крупным специалистом в своей области (очистка воды; видимо, речь была только о воде, используемой в промышленности, конкретно – в паровых котлах), поскольку занимал довольно крупные инженерные должности. Так мы и жили – отец работал в каком-то тресте, а тетя до начала Отечественной войны работала в «Международной книге».

Было бы неуместно мне здесь подробно останавливаться на моей биографии¹⁾. Ограничусь замечанием, что родители послали меня в школу лишь с 4-го класса, поскольку, по-видимому, боялись, что школа плохая. И действительно, в 20-е годы уровень преподавания в большинстве школ сильно упал по сравнению со средним уровнем, царившим до революции в хороших гимназиях и реальных училищах. Посещение школы тогда не было обязательным, вот я и пошел в школу лишь в 11 лет и сразу в 4-й класс. Поступил я в 57-ю школу на улице Мархлевского (бывшем Милютинском переулке). Это бывшая французская гимназия, расположенная рядом с католической церковью. Там остались старые преподаватели и, думаю, было не хуже, чем до революции, если не считать преподавания истории, которая была сведена к изучению речей товарища Сталина. Но, к сожалению, как раз в тот период произошла очередная реорганизация школы в стране – она из школы с обучением в 11 (или 10) лет превратилась в школу-«семилетку». Дальше желающие учиться должны были идти в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Окончив и, видимо, отработав некоторое время на производстве, можно было идти на рабфак, а потом желающие могли поступать в вузы.

Мне в ФЗУ идти не хотелось, и я окончил в 1931 году только школу-семилетку, да еще к тому же был непролетарского происхождения. Но стал учиться «заочно», и в 1934 г. был принят на 2-й курс физфака МГУ. Однако, идти на теоретическую специальность побоялся и пошел на оптическую. Учился я хорошо. Делал экспериментальную работу в качестве дипломной. Но вот окончил физфак, и кафедра оптики (ею заведовал акад. Г.С. Ландсберг) решила оставить меня в аспирантуре с осени 1938 г. Этому, однако, мог помешать призыв в армию, да, собственно, меня уже призвали, но отпустили домой ожидать повестки с указанием когда и куда «явиться с вещами». Вот я и ждал этой повестки, пока вопрос решался где-то «наверху». Дело в том, что в те времена вновь принятых аспирантов МГУ не призывали, давали отсрочку. Но шел 1938 год, нависла военная угроза и отсрочки хотели отменить (их и отменили, но с 1939 г.), а тогда нам всем все же дали отсрочку. В этот период ожидания особенно не хотелось сидеть в темной комнате и «гонять» насос, обеспечивающий вакуум в моей установке. И я стал пытаться теоретизировать, имея в виду пытался объяснить один предполагавшийся эффект, касающийся оптики каналовых лучей. Пошел за консультацией к проф. И.Е. Тамму, заведующему кафедрой теоретической физики. Он как-то очень поддержал меня, вдохновил, и я быстро получил некоторые результаты, относящиеся к квантовой электродинамике. Уже в 1939 году написал 3 статьи, представленные изве-

---

¹⁾ Моя довольно подробная автобиография, написанная в связи с получением Нобелевской премии по физике в 2003 году, имеется в книге: В.Л. Гинзбург. «О сверхпроводимости и сверхтекучести. Автобиография». Москва, Физматлит (2006). Несколько дополненный текст этой книги переведен на английский язык «On superconductivity and Superfluidity. A Scientific Autobiography». Springer (2008).

стным физиком-теоретиком акад. Фоком для опубликования в «Докладах Академии наук СССР». Оптику я забросил и стал физиком-теоретиком.

Я забежал вперед, и не написал о том, как я стал студентом. Одним из «клиентов» тети (т.е. она помогала ему выписывать иностранную литературу) был Евгений Федорович Бахметьев. Он был старым большевиком, подводником, а после революции стал специалистом в области рентгеноструктурного анализа. В институте имени Лепсе он заведовал рентгеновской лабораторией. Туда он меня и устроил лаборантом. Я подробно пишу об этом в своей автобиографии (см. сноску 1), и здесь ограничусь замечанием, что в связи с работой в упомянутой лаборатории, я заинтересовался физикой и выбрал ее в качестве специальности. Через два года мне стало уже почти 17 лет и, естественно, я решил поступать в Университет. Вот я и попытался в 1933 г. поступить на физфак МГУ. Для этого нужно было еще как-то выучить то, что преподавалось в средней школе, нужно было знать материал 8, 9 и 10 классов. Не без помощи учителя я сделал это и, в общем, сдал вступительные экзамены на физфак в 1933 г., правда, без блеска. Последнее обстоятельство сыграло свою роль. Поэтому меня не приняли, но я поступил на заочное отделение, а в 1934 г. на 2-й курс, т.е. догнал своих товарищей. Учился я хорошо, и в 1938 г. окончил физфак МГУ. О дальнейшей работе довоенного периода я кратко пишу ниже.

Перед Отечественной войной мы, физики ФИАНа (Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР), как, вероятно, и многие другие, продолжили свою «мирную» работу и как-то к войне не готовились. Но вот 22 июня 1941 г. она разразилась. Хорошо помню, как я часов в 12 утра с двухлетней дочерью на руках слушал выступление Молотова по радио с сообщением о нападении Германии. Помню как Молотов, заикаясь, кончил свое выступление словами «Враг будет разбит, победа будет за нами». В той же комнате, в которой мы это слушали, в кровати лежал отец, выздоравливающий или, лучше сказать, «отходивший» от перенесенного инфаркта. Ему было 78 лет, он был еще довольно бодр и не помню, то ли где-то оставался консультантом, то ли уже не работал. А я был докторантом ФИАН и увлеченно работал над одной физической проблемой, составившей содержание моей докторской диссертации, защищенной в 1942г. Отец, конечно, был очень далек от моей работы и от физики вообще.

ФИАН начал «перестраиваться», но первое о чем помню, это сообщение о создании народного ополчения. Я, конечно, как и большинство сотрудников записался в ополчение и один день мы провели в помещении какой-то школы, нас распределили по ротам и отпустили домой с требованием немедленно вернуться по получении повестки. Но ее мы не дождались, поскольку по решению властей ФИАН, как и ряд других институтов АН СССР, был эвакуирован в Казань. Случайно так совпало, что во время первого налета немцев на Москву (кажется, но не уверен, это было через месяц после начала войны) провел ночь в метро, возле которого меня застала воздушная тревога. Когда возвращался утром домой, видел некоторые следы бомбардировки. Этим, кстати, и ограничивается мое знакомство с военными действиями, так как совсем скоро

мы уехали в Казань. Если говорить о нашей семье, то нас было четверо: отец, тетя, моя жена и я. Дочка уехала с бабушкой немного ранее и в другое место.

В Казань были эвакуированы многие, хотя и не все академические учреждения. ФИАНу была отведена часть второго этажа физфака Казанского университета. Сотрудники постарше (не в смысле возраста, а по «положению») были поселены в квартирах знакомых и других местах, а относительная молодежь (впрочем, не только она) расположилась в общежитии университета на Клыковке. Это было здание типа школьного на окраине Казани. Вначале мы и семья Е.Л. Фейнберга были поселены в одной довольно большой комнате, разделенной на две половины просто висевшей простыней или одеялом. Кстати, с этого времени и началась моя дружба с Е.Л. и его женой Валей, хотя формально мы были знакомы и раньше.

Потом каждая семья получила по комнате площадью, вероятно, около 25 м². Нам не повезло: наша комната была угловой и зимой очень холодной. Доходило до того, что в холода вода у нас замерзала. Мебель состояла из 4-х кроватей вдоль стен и стола посередине. Было, конечно, голодно, но я все же находился на работе, и жена тоже работала. Но отцу с тетей, думаю, приходилось особенно несладко. К сожалению, не помню деталей, но тетя сломала ногу, хотя через некоторое время все же могла ходить, а отец резко сдал. Мне горько вспоминать это время, и я корю себя, что уделял отцу недостаточно внимания. Но по существу, что я мог сделать? Помимо больного сердца у отца начала развиваться болезнь Альцгеймера – потеря памяти. Собственно, тогда в Казани этот диагноз не был поставлен, но речь идет, думаю, именно об этой болезни. И она, видимо, была характерна для семьи отца – ею болели, разумеется, уже позже, младшая сестра отца, а затем и ее сын, т.е. мой двоюродный брат. К счастью, эта наследственность не сказалась (точнее сказать, пока не сказалась) на мне. Вот я пишу эти строки в июне 2009 года, когда мне уже 92 года с половиной. Конечно, память стала хуже (особенно забываю имена-отчества). Но, в общем, по этому «параметру» грешно жаловаться, но по другим вполне можно: я заболел болезнью крови (болезнью Вальденстрема). Вероятно, заболел давно, но вначале это сказывалось только в болях в ногах. Поэтому в 2003 году я смог поехать в Стокгольм, потом некоторое время также мог ходить, но в начале 2005 года попал в больницу с осложнениями на ноги – не мог ходить. И вот уже пятый год нахожусь либо в больнице, либо дома. Могу с трудом ходить по квартире с помощью так называемых «ходунков» и сижу в инвалидном кресле несколько часов в день. Остаюсь пока главным редактором журнала «Успехи физических наук» и кое-что пишу. В последнее время главным образом о религии, борюсь с клерикализацией в стране²⁾. К сожалению, работаю и читаю очень медленно, и у меня растёт кипа нечитанных книг и журналов. Но сравнить мою жизнь с той, которой жили отец и тетя в Казани, все же трудно. И главное, моя вторая жена Нина, с которой мы дружно живем с 1964 года, заботится

²⁾ В.Л. Гинзбург. Об атеизме, религии и светском гуманизме. М., ФИАН (2009).

обо мне, хотя ей самой уже 87 лет (правда, у нас есть медсестра). Давно хватит писать о себе, но хочу заметить, что у меня есть дочь от первого брака (ей 70 лет), две внучки и правнук с правнучкой; они появились у меня в 2000 году. К сожалению, все они живут не в Москве, но греют и на расстоянии.

В одном сохранившемся письме отца или просто его заметках говорится, что у меня в 1939 г. родилась дочь и ее назвали Ириной. Отец недоумевает, почему девочку не назвали Августой или просто Густой. Помню, как спорили с женой о том, как назвать ребенка, но имя Густа было отвергнуто – казалось слишком редким (!?). Сейчас я понимаю, что не назвать дочь именем моей покойной матери это черт знает что, вот и приходится жалеть об ошибках 70-летней давности.

Фамилии дочери и внучек Дорман, по фамилии мужа дочери, а правнуки уже Петровы. Таким образом, принадлежащая мне веточка на генеалогическом древе Гинзбургов на мне, можно сказать, и обрывается. Конечно, дерево могучее и отсутствие на нем моих потомков не играет роли.

Кстати, я сам сейчас удивляюсь, почему так мало знаю о своих предках. Причины две. Во-первых, я не интересовался этим и не расспрашивал отца. Во-вторых, так получилось, что в силу того, что я моложе отца на 53 года, уже не знал его родителей, все это было слишком давно. Естественно, и мои потомки очень мало знают о нашей семье. Когда-нибудь, возможно, они будут жалеть об этом, поэтому я снабдил эту статью рядом фото, пусть хотя бы представляют себе, о ком идет речь.

Нужно заметить, что фамилия Гинзбург очень распространенная. Как сообщается в книге И.Б. Гинзбурга «След на Земле»³⁾, только в Петербурге живет более 400 Гинзбургов. Думаю, что Москва не отстала. Разумеется, абсурдно всех их считать родственниками – это однофамильцы различного происхождения. Фамилия Гинзбург происходит, по-видимому, от названия небольшого городка в Германии (в Баварии), он называется Günzburg³⁾. Однако отсюда происходит целое «семейство» близких фамилий: Ginzburg, Ginsberg, Ginzberg, Günzburg и т.д. Если пользоваться кириллицей, то речь идет о Гинзбургах, Гинцбургах, Гинсбергах, Гинтсбергах и т.д. Я пользуюсь фамилией Ginzburg и Гинзбург. Даже о такой скромной ветви генеалогического дерева Гинзбургов, которая как-то связана со мной, могу сообщить очень мало. У отца были две сестры. Одна из них была убита при погроме на юге России, у нее было двое сыновей. Отец очень старался им помогать, но без особого успеха. Младший из них был какой-то совершенно непутевый. Старший сын, Хаим, был, видимо, хорошим шахматистом. В 1925 году в Москве проводился международный шахматный турнир высокого ранга и Хаим повел меня на один из

---

³⁾ И.Б. Гинзбург. «След на Земле». С.-Петербург. Изд-во Политехнического университета (2007). Тираж 250 экз.(!). Помещенная на обложке этой брошюры фотография работы Вадима (Димы) Абрамовича Сидура (1924-1986) очень впечатляющая. Позволю себе заметить, что с В.А. Сидуром мы были друзьями.

сеансов и даже получил для меня автографы Ласкера, Капабланки и Боголюбова, который и победил на этом турнире.

В шахматы я, конечно, играл, но очень плохо. Как-то не увлекся, а способностей к ним у меня явно нет, а учиться не хотелось, хотя прилично играть в шахматы можно, уделив этому делу много времени, запоминать этюды и т.д.

К сожалению, о дальнейшей судьбе моих двоюродных братьев я ничего не знаю. Другая сестра отца (тетя Лиза) вышла замуж за однофамильца, так что «дерево Гинзбургов» на ней не оборвалось. Она, на моей памяти, жила в Москве, у нее были три дочери и сын.

Из дочерей я знал только одну Беллу, она учила меня или лучше сказать, пыталась учить меня английскому языку. Ее убили и, чтобы замести следы, расчленили и разбросали по разным местам. В преступлении заподозрили ее мужа профессора Миркина. Его и осудили, но потом отменили приговор, и он преподавал в Институте стали. Сын тети Лизы на 6 лет старше меня, был инженером-электриком. Наконец, его сын, мой двоюродный племянник, здравствует, он доктор физ.-мат.наук, работает в Институте физики атмосферы РАН. Кстати, он – Александр Самуилович Гинзбург, мой единственный родственник, с которым я поддерживаю связь. В справочнике сотрудников РАН по фамилии Гинзбург нас только двое. И это среди примерно 3500-4000 тысяч всех сотрудников. Так что Гинзбургов много, но все же, не так уж много. Как уже отмечал, о родственниках матери сейчас ничего не знаю.

Возвращаясь к книжке И.Б. Гинзбурга, укажу, что он упоминает большое количество более или менее известных Гинзбургов.

Здесь все же уместно еще раз остановиться на происхождении фамилии Гинзбург. Оно связано с городком Günzburg в Германии. Городок Günzburg (Гинзбург) существовал еще до нашей эры. Первые документы, в которых фи-

Фото 2.

Фото 3.

гурирует этот городок на Дунае, относится к 1055 году. В 1301 году городок стал административным центром некоторой области в Швабии (Баварии). Еврейская община в Гюнзбурге уже существовала по крайней мере в 1566 г. Эти и другие сведения о Günzburge можно найти в книге (см. сноску 3), посвященной Гинзбургам.

О своих предках я знаю очень мало, ибо этим вопросом раньше, к сожалению, не интересовался; даже мать отца, с которой отец был особенно близок, скончалась в 1904 г., т.е. за 12 лет до моего рождения. Единственное, о чем быть может стоит сообщить, это факт о том, что моя «настоящая» фамилия не Гинзбург, а Ландау. Отец как-то рассказал, что, то ли его дед, то ли прадед носил фамилию Ландау, но переехав в Россию (из Польши?), женился на девице по

фамилии Гинзбург, и принял эту фамилию из каких-то имущественных соображений. Нужно заметить, что у отца была кузина по фамилии Ландау и все они образовывали какой-то близкий круг. Я как-то рассказал об этом не помню уж кому, но ко мне вернулось утверждение, что Ландау (Лев Давидович) любит Гинзбурга (т.е. меня), потому что мы родственники. С тех пор я перестал рассказывать эту байку.

На фотографии 2, относящейся примерно к 1889 году, фигурирует вся семья: дедушка, бабушка, две их дочери и отец. Дедушка (т.е. отец моего отца) умер в 1893 году, а бабушка в 1904 году, т.е. за 12 лет до моего рождения. Нужно ли удивляться тому факту, что я о ней практически ничего не знаю, разве что она была особенно близка с отцом, своим единственным сыном и, как можно сказать, удачным сыном. На фото 3 бабушка снята вместе с отцом в 1898 г. Он уже был инженером и, так сказать, «встал на ноги». Мне кажется почему-то, что снимок сделан, чтобы доставить бабушке удовольствие. На снимке 4 сфотографированы мои родители, поженившиеся в 1914 году. На фотографии 5 изображена тетя Роза, на фото 6 и 7 в возрасте 3,5 и 8 лет соответственно, представлен я сам.

Фото 4.

Отец был верующим, иногда молился и посещал синагогу. Несколько раз и меня брал с собой. Но когда я повзрослел и начал настойчиво добиваться у отца ответа на вопрос, почему и кому он молится, ответ был таков: молюсь, чтобы вспомнить детство, родителей, а также, чтобы забыть неприятное в своей жизни в настоящее время.

Любопытно заметить, что у евреев до сих пор сохранились какие-то остатки родового строя. Так, через старшего сына сохранилось «звание» (не знаю, как точно назвать) «кеены» или «коэны», означавшее принадлежность к священнослужителям иудейского храма (отсюда, вероятно, фамилии Коган, Каган и т.п.).

Фото 5.

Вернусь к печальному. Отец до начала тридцатых годов был еще крепким, сильным мужчиной. Таким или почти таким я запомнил его в самом начале эвакуации. Но очень скоро он начал сильно слабеть. Болезнь прогрессирувала. Разумеется, я не мог сделать что-нибудь радикальное, чтобы помочь ему, и корю себя за это.

Кажется, в июне или июле 1942 г. пришлось поместить отца в больницу, где он и скончался 20 июля 1942 г. в возрасте около 79 лет. Отец похоронен на еврейском кладбище в Казани. И я не знаю точно где его могила. В 1942 г. мы

*Фото 6.**Фото 7.*

сделали что могли, и могила была как-то выделена из окружающих каким-то невысоким цементным забором. Но когда через несколько лет я поехал в Казань, то найти или, точнее, идентифицировать могилу отца не удалось. Не знаю я и где покоится прах матери. Она была похоронена на Дорогомиловском (если правильно помню) еврейском кладбище в Москве, и отец поставил там памятник (фото 8). Но незадолго до войны это кладбище было ликвидировано, причем было разрешено перевезти прах на другие кладбища где-то за городом (кажется, Востряковское). Отец позаботился о переносе праха и памятника матери на новое место, но война помешала осуществлению этого плана. Видимо, тогда это было нелегко. Я помню, как мы с отцом были на новом кладбище, и видел памятник матери разложенным на земле, но еще не установленным. Думаю, что во время войны мрамор растащили, но это не оправдывает меня: по возвращении в Москву из эвакуации я памятника не искал. Вероятно, не нашел бы, ведь он поставлен не был, но все равно этому нет оправдания. Поскольку я развелся в 1964 г. с первой женой, тетя Роза осталась в нашей старой квартире одна в принадлежащей ей комнате. Но в остальном все было плохо: больная

Фото 8.

подводил итоги. Пришел к выводу, что в общем мне повезло, несмотря, конечно, на известные несчастья (смерть матери, да другое помельче). Но в детстве был окружен заботой отца и тети, не голодал и не погиб на войне. Всю жизнь занимался любимым делом (физикой и астрофизикой) и преуспел в этом, стал более или менее известным ученым. Венцом является получение Нобелевской премии по физике за 2003 год. Я не страдаю манией величия и знаю цену любым наградам и премиям. Но, все же получить Нобелевскую премию, пусть и в конце жизни, очень приятно. Это одна сторона жизни. Другая – это то, что прожив так долго, в частности, в самый тяжелый сталинский период, я, с одной стороны, не подвергся серьезным репрессиям и, с другой стороны, не замарал свою совесть не только доносами и т.п., но и не подписал никаких гнусных заявлений, например, направленных против А.Д. Сахарова. Напротив, я помогал ему, о чем написал, например, в статье «О феномене Сахарова»⁴⁾. Сейчас тоже стараюсь защищать репрессированных ученых⁵⁾ и борюсь с лженаукой и клерикализацией нашей страны⁶⁾.

Добавлю, что мне очень повезло со второй женой, с которой мы живем с 1964 г. Хорошие отношения у меня с дочерью и внуками.

нога, одиночество, ибо я где-то снимал комнату, да и старался побольше находиться в Горьком (Нижнем Новгороде), где работал по совместительству и, главное, жила моя вторая жена – она находилась там фактически в ссылке, о чем я подробно пишу в автобиографии, да и в ряде статей. А тут начались какие-то психические сдвиги, страхи, и тетя 1 апреля 1948 г. покончила с собой. Ее кремировали, и урна с ее прахом находится в колумбарии № 18 в Московском крематории. Это все «материальное», что осталось у меня от родных. Горько сознавать, что я не сделал всего, что, быть может, мог для облегчения жизни отца и тети в последнее время перед их смертью.

Когда писал эту заметку, то вспоминал всю свою жизнь, как-то

⁴⁾ В.Л. Гинзбург. О физике и астрофизике (сборник статей) М., (1995).

⁵⁾ См., например, журнал «Здравый смысл» № 2, стр.10 (2009).

⁶⁾ В.Л. Гинзбург. Об атеизме, религии и светском гуманизме. М., ФИАН, (2009). Газета «Новая газета» от 12 августа 2009 г.

Фото 9.

Больной, и в весьма преклонном возрасте я, естественно, думаю о смерти. Особенно часто эти мысли посещают пожилых людей и людей любого возраста на смертном одре. Впрочем, то же можно сказать о людях любого возраста, задумывающихся о смысле жизни (много писал на эту тему Лев Толстой). Это понятно: конечность жизни и неизбежной смерти не так-то легко осознать и смириться с этим. Поэтому люди в древности и выдумали сказку о загробной жизни. Да и сейчас религиозные люди верят в эту сказку. Так вот, я хочу сообщить, что у меня нет такого страха. Более того, со времени начала болезни (т.е. с начала 2005 года) я просто мечтал о смерти и обращался с этим к врачам, но они все, насколько помню, относились отрицательно к моему мнению. Таков уж их удел. Я считаю, что у человека есть не только право на жизнь, что, кажется, записано у нас даже в Конституции, но и право на безболезненную смерть. Эвтаназия ⁷⁾ является самой мягкой, можно сказать, реализацией этого права. Но, как известно, и эвтаназия, казалось бы, право разумное и заведомо гуманное, встречает возражения в большинстве стран, и со стороны всех, кажется, религий. Конечно, реализация права на безболезненную смерть, т.е. можно сказать, на реализацию самоубийства по требованию, опасна с точки зрения возможных злоупотреблений. В общем, постановка этого вопроса у нас в России сейчас совершенно несвоевременна, и поэтому не буду распространяться на эту тему.

---

⁷⁾ Эвтаназия – это умерщвление самых тяжелых, безнадежно больных, разумеется, по их просьбе или по просьбе родных.

Но, повторяю, мне, как атеистку, смерть представляется вполне естественным явлением и единственное, что может удерживать человека от осуществления права на смерть – это забота о родных и близких. Во избежание недоразумений подчеркну, что смерти-то я не боюсь, но очень боюсь часто связанных с ней болей и т.п. Но боязнь этих болей – это только лишний аргумент в пользу реализации права на безболезненную смерть.

Хочу резюмировать словами Н. Гумилева, писавшего о «несравненном праве человека самому выбирать свою смерть».

Как сложится моя дальнейшая судьба – неизвестно, и остается только надеяться, что хуже не будет, и я смогу, пусть и с трудом, бороться с отрицательными, на мой взгляд, явлениями и в нашем обществе и, в частности, в близкой мне жизни РАН – Российской академии наук.

17 августа 2009 г.

Об авторе

Виталий Лазаревич Гинзбург родился в Москве 4 октября 1916 г. Окончил школу-семилетку в 1931 г., в 1933 г. поступил на физический факультет МГУ, который окончил в 1938 г. В 1938-40 годы был аспирантом физфакта МГУ; в 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию, с октября 1940 г. и до сих пор работает в Физическом институте им. П.Н. Лебедева (ФИАН) Российской академии наук. После защиты в 1942 г. докторской диссертации был научным сотрудником ФИАН, причем с 1971 по 1988 гг. заведовал Отделом Теоретической физики этого института. Сейчас – советник РАН, руководитель «группы советника» в Теоротделе ФИАН. В 1953 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1966 г. – действительным членом (академиком). Является иностранным членом ряда академий. Награжден Нобелевской, Государственной и Ленинской премиями, является автором многих статей по физике и астрофизике, а также статей публицистического характера.

С 1998 г. по настоящее время В.Л. Гинзбург является главным редактором журнала «Успехи физических наук».

Подробная автобиография помещена в книге: В.Л. Гинзбург «О сверхпроводимости и сверхтекучести. Автобиография». М. Физматлит (2006). Книга переведена (с некоторыми дополнениями) на английский язык и издана в издательстве Шпрингер в 2008 г.